

Константин Бальмонт

ПОД СЕВЕРНЫМ НЕБОМ

Элегии, стансы, сонеты

*Ohne das Gefolge der Trauer
ist mir das Göttliche im Leben nie
erschienen*

Lenau

СМЕРТЬ

Не верь тому, кто говорит тебе,
Что смерть есть смерть: она – начало жизни,
Того существованья неземного,
Перед которым наша жизнь темна,
Как миг тоски – пред радостью беспечной,
Как черный грех – пред детской чистотой.
Нам не дано познать всю прелесть смерти,
Мы можем лишь предчувствовать ее, –
Чтоб не было для наших душ соблазна
До времени покинуть мир земной
И, не пройдя обычных испытаний,
Уйти с своими слабыми очами
Туда, где б ослепил нас высший свет.
Пока ты человек, будь человеком
И на земле земное совершай,
Но сохрани в душе огонь нетленный
Божественной мистической тоски,
Желанье быть не тем, чем быть ты можешь.
Бестрепетно иди все выше – выше,
По лучезарным чистым ступеням,
Пока перед тобой не развернется
Воздушная немая бесконечность,
Где время прекращает свой полет.
Тогда познаешь ты, что есть свобода
В разумной подчиненности Творцу,
В смиренном почитании Природы, –
Что как по непочатому пути
Всегда вперед стремится наше Солнце,
Ведя с собой и Землю и Луну
К прекрасному созвездью Геркулеса,
Так, вечного исполнено стремленья,

С собой нас увлекает Божество
К неведомой, но благодатной цели.
Живи, молись – делами и словами,
И смерть встречай как лучшей жизни весть.

ФАНТАЗИЯ

Как живые изваянья, в искрах лунного сиянья,
Чуть трепещут очертанья сосен, елей, и берез;
Вещий лес спокойно дремлет, яркий блеск Луны приемлет,
И роптанью ветра внемлет, весь исполнен тайных грез.
Слыша тихий стон метели, шепчут сосны, шепчут ели,
В мягкой бархатной постели им оградно почивать,
Ни о чем не вспоминая, ничего не проклиная,
Ветви стройные склоняя, звукам полночи внимать.

Чьи-то вздохи, чье-то пенье, чье-то скорбное моление,
И тоска, и упоенье, – точно искрится звезда.
Точно светлый дождь струится, – и деревьям что-то мнится,
То, что людям не приснится, никому и никогда.
Это мчатся духи ночи, это искрятся их очи,
В час глубокий полуночи мчатся духи через лес.
Что их мучит, что тревожит? Что, как червь, их тайно гложет?
Отчего их рой не может петь отраднй гимн Небес?

Все сильнее звучит их пенье, все слышнее в нем томленье,
Неустанного стремленья неизменная печаль, –
Точно их томит тревога, жажда веры, жажда Бога,
Точно мук у них так много, точно им чего-то жаль.
А Луна все льет сиянье, и без муки, без страданья,
Чуть трепещут очертанья вещих сказочных стволов;
Все они так сладко дремлют, безучастно стонам внемлют,
И с спокойствием приемлют чары ясных светлых снов.

ЗАРНИЦА

Как в небесах, объятых тяжким сном,
Порой сверкает беглая зарница,
Но ей не отвечает дальний гром, –

Так точно иногда в уме моем
Мелькают сны, и образы, и лица,
Погибшие во тьме далеких лет, –

Но мимолетен их непрочный свет,
Моя душа безмолвна, как гробница,

В ней отзыва на их призывы нет.

МОЛИТВА

Господи Боже, склони свои взоры
К нам, истомленным суровой борьбой,
Словом Твоим подвигаются горы,
Камни как тающий воск пред Тобой!

Тьму отделил Ты от яркого света,
Создал Ты небо, и Небо небес,
Землю, что трепетом жизни согрета,
Мир, преисполненный скрытых чудес!

Создал Ты Рай – чтоб изгнать нас из Рая.
Боже, опять нас к себе возврати,
Мы истомились, во мраке блуждая,
Если мы грешны, прости нас, прости!

Не искушай нас бесцельным страданьем,
Не утомляй непосильной борьбой,
Дай возвратиться к Тебе с упованием,
Дай нам, о, Господи, слиться с Тобой!

Имя Твое непонятно и чудно,
Боже Наш, Отче Наш, полный любви!
Боже, нам горько, нам страшно, нам трудно,
Сжался, о, сжался, мы – дети Твои!

ЛУННЫЙ СВЕТ

Сонет

Когда Луна сверкнет во мгле ночной
Своим серпом, блистательным и нежным,
Моя душа стремится в мир иной,
Пленяясь всем далеким, всем безбрежным.

К лесам, к горам, к вершинам белоснежным
Я мчусь в мечтах, как будто дух больной,
Я бодрствую над миром безмятежным,
И сладко плачу, и дышу – Луной.

Впиваю это бледное сиянье,
Как эльф, качаюсь в сетке из лучей,
Я слушаю, как говорит молчанье.

Людей родных мне далеко страданье.
Чужда мне вся Земля с борьбой своей,
Я – облачко, я – ветерка дыханье.

НИТЬ АРИАДНЫ

Меж прошлым и будущим нить
Я тку неустанной проворной рукою:
Хочу для грядущих столетий покорно и честно служить
Борьбой, и трудом, и тоскою, –

Тоскою о том, чего нет,
Что дремлет пока, как цветок под водою,
О том, что когда-то проснется чрез многие тысячи лет,
Чтоб вспыхнуть падучей звездою.

Есть много не сказанных слов,
И много созданий, не созданных ныне, –
Их столько же, сколько песчинок среди бесконечных песков,
В немой Аравийской пустыне.

* * *

Уходит светлый Май. Мой небосклон темнеет.
Пять быстрых лет пройдет, – мне минет тридцать лет.
Замолкнут соловьи, и холодом повеет,
И ясных вешних дней навек угаснет свет.

И в свой черед придут дни, полные скитаний,
Дни, полные тоски, сомнений, и борьбы,
Когда заночует грудь под тяжестью страданий,
Когда познаю гнет властительной Судьбы.

И что мне жизнь сулит? К какой отраде манит?
Быть может, даст любовь и счастье? О, нет!
Она во всем солжет, она во всем обманет,
И поведет меня путем тернистым бед.

И тем путем идя, быть может, падать стану,
Утрачу всех друзей, моей душе родных,
И, – что всего страшней, – быть может, перестану
Я верить в честь свою и в правду слов своих.

Пусть так. Но я пойду вперед без колебанья –
И в знойный день, и в ночь, и в холод, и в грозу:

Хочу я усладить хоть чье-нибудь страданье,
Хочу я отереть хотя одну слезу!

* * *

Одна есть в мире красота.
Не красота богов Эллады,
И не влюбленная мечта,
Не гор тяжелые громады,
И не моря, не водопады,
Не взоров женских чистота.
Одна есть в мире красота –
Любви, печали, отречения,
И добровольного мученья
За нас распятого Христа.

БОЛОТО

О, нищенская жизнь, без бурь, без ощущений,
Холодный полумрак, без звуков и огня.
Ни воплей горестных, ни гордых песнопений,
 Ни тьмы ночной, ни света дня.
Туманы, сумерки. Средь тусклого мерцанья
Смешались контуры; и краски, и черты,
И в царстве мертвого бессильного молчанья
 Лишь дышат ядовитые цветы.
Да жабы черные, исчадия трясины,
Порою вынырнут из грязных спящих вод,
И, словно радуясь обилью скользкой тины,
 Ведут зловещий хоровод.

БЕЗ УЛЫБКИ, БЕЗ СЛОВ

На алмазном покрове снегов,
Под холодным сияньем Луны,
Хорошо нам с тобой! Без улыбки, без слов,
Обитатели призрачной светлой страны,
Погрузились мы в море загадочных снов,
 В царстве бледной Луны.

Как отрадно в глубокий полуночный час
На мгновенье все скорби по-детски забыть,
И, забыв, что любовь невозможна для нас,

Как отрадно мечтать и любить,
Без улыбки, без слов,
Средь ночной тишины,
В царстве чистых снегов,
В царстве бледной Луны.

РОДНАЯ КАРТИНА

Стаи птиц. Дороги лента.
Повалившийся плетень.
С отуманенного неба.
Грустно смотрит тусклый день.

Ряд берез, и вид унылый
Придорожного столба.
Как под гнетом тяжелой скорби
Покачнулася изба.

Полусвет и полусумрак, –
И невольно рвешься вдаль,
И невольно давит душу
Бесконечная печаль.

ЗАЧЕМ?

Господь, Господь, внемли, я плачу, я тоскую,
Тебе молюсь в вечерней мгле.
Зачем Ты даровал мне душу неземную –
И приковал меня к земле?
Я говорю с Тобой сквозь тьму тысячелетий,
Я говорю Тебе, Творец,
Что мы обмануты, мы плачем, точно дети,
И ищем: где же наш Отец?
Когда б хоть миг один звучал Твой голос внятно,
Я был бы рад сиянью дня,
Но жизнь, любовь, и смерть – все страшно, непонятно,
Все неизбежно для меня.
Велик Ты, Господи, но мир Твой неприветен,
Как все великое, он нем,
И тысячи веков напрасен, безответен
Мой скорбный крик: «Зачем? Зачем?..»

* * *

Мне ненавистен гул гигантских городов,
Противно мне толпы движенье,
Мой дух живет среди лесов,
Где в тишине уединенья
Внемлю я музыке незримых голосов,
Где неустанный бег часов
Не возмущает упоенья,
Где сладко быть среди цветов
И полной чашей пить из родника забвенья.

* * *

Я знаю, что значит – безумно рыдать,
Вокруг себя видеть пустыню бесплодную,
Что значит – с отчаяньем в зиму холодную
Напрасно весны ожидать.

Но знаю я также, что гимн соловья
Лишь тем и хорош, что похож на рыдание,
Что гор снеговых вековое молчание
Прекрасней, чем лепет ручья.

У СКАНДИНАВСКИХ СКАЛ

Дремлют гранитные скалы, викингов приют опустевший,
Мрачные сосны одели их твердую темную грудь.
Скорбь в небесах разлита, точно грусть о мечте отлетевшей,
Ночь без Луны и без звезд бесшумно свершает свой путь.

Ластится к берегу Море волной шаловливо-беспечной,
Сердце невольно томится какою-то странной тоской:
Хочется слиться с Природой, прекрасной, гигантской, и вечной,
Хочется капелькой быть в безграничной пучине морской.

ПРИЗРАК

Где бы ни был я, везде, как тень, со мной
Мой милый брат, отшедший в жизнь иную,
Тоскующий, как ангел неземной,
В своей душе таящий скорбь немую, –
Так явственно стоит он предо мной.

И я, как он, и плачу, и тоскую;
Но плачу ли, смеюсь ли, – дух родной, –
Он никогда меня не покидает,
Со мной живет он жизнью одной.

Лишь иногда в тревожный час ночной,
Невольно ум в тоске изнемогает,
И я его спрошу: «В стране иной,
За темною загадочной могилой,
Увидимся ль с тобой, о, брат мой милый?»

В его глазах тогда мелькает тень,
И слезы он блестящие роняет,
И как пред ночью тихо гаснет день,
Так от меня он тихо улетает.

У ФЬОРДА

Хмуро северное небо,
Скорбны плачущие тучи,
С темных скал на воды фьорда
Мрачно смотрит лес могучий.
 Безотрадно здесь мерцанье
 Безглагольной глубины,
 Неприветны вздохи ветра
 Между ветками сосны.

Прочь душа отсюда рвется,
Жаждет воли и простора,
Жаждет луга, трав душистых,
Их зеленого убора.
 И встревоженный мечтою
 Слышишь в ропоте волны –
 Колокольчик русской тройки
 В царстве степи и Луны.

ЗАРОЖДАЮЩАЯСЯ ЖИЗНЬ

Сонет

Еще последний снег в долине мглистой
На светлый лик весны бросает тень,
Но уж цветет душистая сирень,
И барвинок, и ландыш серебристый.

Как кроток и отраден день лучистый,

И как приветна ив прибрежных сень.
Как будто ожил даже мшистый пенъ,
Склонясь к воде, бестрепетной и чистой.

Кукушки нежный плач в глуши лесной
Звучит мольбой тоскующей и странной.
Как весело, как горестно весной, –

Как мир хорош в своей красе нежданной,
Контрастов мир, с улыбкой неземной,
Загадочный под дымкою туманной.

НОРВЕЖСКАЯ ДЕВУШКА

Очи твои, голубые и чистые –
Слиянье небесной лазури с изменчивым блеском волны;
Пряди волос золотистые
Нежнее, чем нить паутины в сияньи вечерней Луны.
Вся ты – намек, вся ты – сказка прекрасная,
Ты – отблеск зарницы, ты – отзвук загадочной песни без слов;
Светлая, девственно ясная,
Вакханка с душою весталки, цветок под покровом снегов.

М***

Ты – шелест нежного листка,
Ты – ветер, шепчущий украдкой,
Ты – свет, бросаемый лампадкой,
Где брезжит сладкая тоска.

Мне чудится, что я когда-то
Тебя видал, с тобою был,
Когда я сердцем то любил,
К чему мне больше нет возврата.

ЧАЙКА

Чайка, серая чайка с печальными криками носится
Над холодной пучиной морской.
И откуда примчалась? Зачем? Почему ее жалобы
Так полны безграничной тоской?

Бесконечная даль. Неприветное небо нахмурилось.

Закурчавилась пена седая на гребне волны.
Плачет северный ветер, и чайка рыдает, безумная,
Бесприютная чайка из дальней страны.

ГОРНЫЙ КОРОЛЬ

Скандинавская песня

H. Ibsen. Gildet paa Solhaug

Горный король на далеком пути.

– Скучно в чужой стороне. –

Деву-красавицу хочет найти.

– Ты не вернешься ко мне. –

Видит усадьбу на мшистой горе.

– Скучно в чужой стороне. –

Кирстэн-малютка стоит на дворе.

– Ты не вернешься ко мне. –

Он называет невестой ее.

– Скучно в чужой стороне. –

Деве дарит ожерелье свое.

– Ты не вернешься ко мне. –

Дал ей он кольца, и за руку взял.

– Скучно в чужой стороне. –

Кирстэн-малютку в свой замок умчал.

– Ты не вернешься ко мне. –

Годы проходят, пять лет пронеслось.

– Скучно в чужой стороне. –

Много бедняжке поплакать пришлось.

– Ты не вернешься ко мне. –

Девять и десять умчалось лет.

– Скучно в чужой стороне. –

Кирстэн забыла про солнечный свет.

– Ты не вернешься ко мне. –

Где-то веселье, цветы, и весна.

– Скучно в чужой стороне. –

Кирстэн во мраке тоскует одна

– Ты не вернешься ко мне. –

КАРТИНКА

Сонет

В глухую ночь, неясною толпой,
Собираются души моей созданья,
Тяжелую медлительной стопой
Проходят предо мной воспоминанья.

Я слышу песни, смех, и восклицанья,
Я вижу, как неровною тропой,
Под ласкою вечернего сиянья,
Пред сном идут стада на водопой.

Едва-едва передвигая ноги,
Вздывают пыль клубами у дороги
Толпы овец пушистых и быков.

Пастух устал, об ужине мечтает,
И надо всей картиною витает
Веселый рой беспечных сельских снов.

* * *

О, если б мне сердце холодное,
Холодное сердце русалки, –
Чтоб мог я спокойно внимать неумолчному ропоту Моря,
И стону страданий людских!

О, если б мне крылья орлиные,
Свободные сильные крылья, –
Чтоб мог я на них улететь в безграничное царство Лазури,
Чтоб мог я не видеть людей!

МЕЧТА

Стекло Балтийских вод под ветром чуть дрожало,
Среди печальных шхер на Север мы неслись.
Невольно ты ко мне свой милый взор склоняла.
В двух молодых сердцах мечты любви зажглись.

Ты мне казалась волшебною загадкой,
Казался я тебе загадкою, – и мы
Менялись взорами влюбленными, украдкой,
Под кровом северной вечерней полутьмы.

Как хороши любви застенчивые ласки,

Когда две юные души озарены
Мечтой минутною, как чары детской сказки,
Как очертания причудливой волны.

Ни слова мы с тобой друг другу не сказали,
Но был наш разговор без слов красноречив,
С тобой расстался я без муки, без печали,
Но сохранил в душе восторженный порыв.

...Теперь другую страсть, страсть знойную, лелея,
Я более пленен той чистою мечтой. —
Как бледный Север мне и ближе, и милее,
Чем светлый знойный Юг с своею красотой.

* * *

Когда между тучек туманных
Полночной порой загорится Луна,
Душа непонятной печали полна,
Исполнена дум несказанных,
Тех чувств, для которых названия нет.
И той Красоты бесконечной,
Что, вспыхнув, зарницею вечной,
Сияет потом в черном сумраке лет.

* * *

Катерине Алексеевне Андреевой

Я расстался с печальной Луною, —
Удалилась царица небес,
Там, в горах, за их черной стеною,
Ее лик омраченный исчез.

И в предутреннем сумраке ясном
Мне послышался вздох ветерка,
И в лазури, на небе прекрасном,
Отразилась немая тоска.

Силуэты лесных великанов
Молчаливо предстали вдали,
И покровы дрожащих туманов
Над заплаканным лугом легли.

Вся Природа казалась больною
И как будто молила меня,

И грустила, прощаясь с Луною,
В ожидании знойного дня.

РАЗЛУКА

Вдыхая морской освежительный воздух,
Качаясь на сине-зеленых волнах,
В виду берегов Скандинавии,
Я думал, мой друг, о тебе, –
О тебе,
Чей образ со мной неразлучен,
Точно так же, как час, возвещающий дню
Приближение ночи,
Неразлучен с красавицей неба, Вечерней Звездой, –
Как морская волна неразлучна с пугливой чайкой.
Много ярких светил в безграничном пространстве Лазури, –
Лучезарный Арктур, Береники блестящие кудри,
Орион, и созвездие Леды,
Большая Медведица,
Но среди миллионов светил
Нет светила прекрасней – Вечерней Звезды.
Много птиц, много гостей крылатых, летит через Море,
Бросив берег его, направляясь к другому,
Что вдали где-то там затерялся среди синевы и туманов, –
Но только одну белокрылую чайку
С любовью баюкает, точно в родной колыбели,
Морская волна.
Чайка взлетает к нависнувшим тучам,
Чайка умчится в далекие страны, –
Куда и зачем, вряд ли знает сама, –
Но снова, как странник,
Уставший бродить в бесприютных краях,
Прилетит она к синей родимой волне,
Прильнет к ней своей белоснежную грудью, –
И Солнце смеется, взирая на них,
И шлет им лучистые ласки.
Так и я, разлучившись с тобой,
О, мой друг бесконечно любимый,
Был сердцем с тобой неразлучен,
Я баюкал твой ласковый образ в своей трепетавшей груди,
Вдыхая морской освежительный воздух,
Качаясь на сине-зеленых волнах,
В виду берегов Скандинавии.

* * *

Есть красота в постоянстве страдания
И в неизменности скорбной мечты.
Знойного яркого Солнца сияние,
Пышной Весны молодые черты
В сердце не так вызывают сознание
Ласки больной, неземной красоты,
Как замка седые руины, печальной Луны трепетание,
Застенчивых сумерек скорбь, или осени грустной листы.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Липы душистой цветы распускаются...
Спи, моя радость, усни!
Ночь нас окутает ласковым сумраком,
В небе далеком зажгутся огни,
Ветер о чем-то зашепчет таинственно,
И позабудем мы прошлые дни,
И позабудем мы муку грядущую...
Спи, моя радость, усни!

Бедный ребенок, больной и застенчивый,
Мало на горькую долю твою
Выпало радости, много страдания.
Как наклоняется нежно к ручью
Ива плакучая, ива печальная,
Так заглянула ты в душу мою,
Ищешь ответа в ней... Спи! Колыбельную
Я тебе песню спою!

О, моя ласточка, о, моя деточка,
В мире холодном с тобой мы одни,
Радость и горе разделим мы поровну,
Крепче к надежному сердцу прильни,
Мы не изменимся, мы не расстанемся,
Будем мы вместе и ночи и дни.
Вместе с тобою навек успокоимся...
Спи, моя радость, усни!

ПЕСНЬ ЮДИФИ

Из Библии

Пусть кимвалы поют,
Пусть тимпаны звучат,
Богу Нашему гимн,
Стройный гимн возгласят.
Пойте священные песни

В честь Вседержителя-Бога,
Он за народ Свой смиренный
Поднял десницу Свою.

С северных гор, из далекой земли,
Полчища вражки Ассира пришли,
Как саранча, не десятки, а тьмы,
Конница их заняла все холмы.

Враг грозил, что пределы мои он сожжет,
Что мечом моих юношей он истребит,
И о камень младенцев моих разобьет,
И расхитит детей,
И пленит дочерей,
Дев прекрасных пленит.
Но Господь-Вседержитель рукою жены
Низложил всех врагов Иудейской страны.

Не от юношей пал Олоферн-великан,
Не рукою своей с ним сражался титан.
Но Юдифь красотою лица своего
Погубила его.

Громче звените, кимвалы,
Пойте звучнее, тимпаны,
Господу Нашему Богу
Песнь вознесем до Небес.

АВГУСТ

Сонет

Как ясен Август, нежный и спокойный,
Сознавший мимолетность красоты.
Позолотив древесные листья,
Он чувства заключил в порядок стройный.

В нем кажется ошибкой полдень знойный, —
С ним больше сродны грустные мечты,
Прохлада, прелесть тихой простоты
И отдыха от жизни беспокойной.

В последний раз, пред острием серпа,
Красуются колосья наливные,
Взамен цветов везде плоды земные.

Отраден вид тяжелого снопа,
А в небе журавлей летит толпа,
И криком шлет «прости» в места родные.

* * *

*Марусе С****

О, птичка нежная, ты не поймешь меня,
Пока в твоих глазах сверкает утро Мая.
Твой голос чуть дрожит, как серебро звеня,
С улыбкой на тебя взирает мать родная.
О, птичка нежная, ты не поймешь меня!

Везде нас ждет печаль. Мрачна юдоль земная.
Мне страшно за тебя. Я плачу. Я скорблю.
Из темного угла, твоим словам внимая,
Смотрю я на тебя и Господа молю: –
Пусть будет для нее легка стезя земная!

Увы, и предо мной блистали краски дня –
Мой день давно погас. Со мною тьма ночная.
И я когда-то пел, чужую скорбь гоня,
Когда-то и ко мне склонялась мать родная...
О, птичка нежная, ты не поймешь меня!

ПАМЯТИ И. С. ТУРГЕНЕВА*

1

Уходят дни. И вот уж десять лет
Прошло с тех пор, как смерть к тебе склонилась.
Но смерти для твоих созданий нет,
Толпа твоих видений, о, поэт,
Бессмертием навеки озарилась.

2

В немом гробу ты спишь глубоким сном.
Родной страны суровые метели
Рыдают скорбно в сумраке ночном.
Баюкают тебя в твоей постели,
И шепчут о блаженстве неземном.

3

Ты заслужил его. Во тьме невзгоды,

Когда, под тяжким гнетом, край родной,
Томясь напрасной жаждою свободы,
Переживал мучительные годы,
Ты был исполнен думою одной: –

4

Кумир неволи сбросить с пьедестала,
Живой волной ударить в берега,
Сломить ту силу, что умы сковала, –
И ты поклялся клятвой Ганнибала,
Жить лишь затем, чтоб растоптать врага.

5

И ты спустился в темные пучины
Народной жизни, горькой и простой,
Пленяющей печальной красотой,
И подсмотрел цветы среди грязной тины,
Среди грубости – любви порыв святой.

6

И слился ты с той светлою плеядой,
Пред чьим огнем рассеялась тьма,
Пред чьим теплом растаяла зима;
Нахлынули борцы живой громадой, –
И пала крепостничества тюрьма.

7

Но в этот миг, зиждительный и чудный,
Ты не хотел душою отдохнуть,
Святым огнем твоя горела грудь,
И вот опять – далекий, многотрудный,
Перед тобой открылся новый путь.

8

Дворянских гнезд заветные аллеи.
Забытый сад. Полузаросший пруд.
Как хорошо, как все знакомо тут!
Сирень, и резеда, и эпомеи,
И георгины гордые цветут.

9

Затмилась ночь. Чуть слышен листьев ропот.
За роцей чуть горит Луны эмаль.
И в сердце молодом встает печаль.
И слышен чей-то странный, грустный шопот.
Кому-то в этот час чего-то жаль.

10

И там вдали, где роща так туманна,
Где луч едва трепещет над тропой, –
Елена, Маша, Лиза, Марианна,
И Ася, и несчастная Сусанна –
Собралися воздушною толпой.

11

Знакомые причудливые тени,
Создания любви и красоты,
И девственной, и женственной мечты,
Их вызвал к жизни чистый нежный гений,
Он дал им форму, краски, и черты.

12

Не будь его, мы долго бы не знали
Страданий женской любящей души,
Ее заветных дум, немой печали,
Лишь с ним для нас впервые прозвучали
Те песни, что таилися в тиши.

13

Он возмутил стоячих вод молчанье.
Запросам тайным громкий дал ответ,
Из тьмы он вывел женщину на свет,
В широкий мир стремлений и сознанья,
На путь живых восторгов, битв, и бед.

14

Вот почему, с любовью вспоминая
О том, кто удалился в мир иной,
Пред кем зажегся светоч неземной,
Здесь собралась толпа ему родная
С ним слившаяся мыслию одной: –

Пусть мы с тобой разлучены судьбою
 Уж десять невозвратных долгих лет,
 Но ты, наш друг, учитель, и поэт,
 Среди нас живешь! Сверкает над тобою
 Бессмертия нетленный чистый свет!

*Было прочитано автором 31-го октября 1893 года в Москве, в заседании Общества Любителей Российской Словесности, посвященном памяти И. С. Тургенева.

ЗАРЯ

Николаю Ильичу Стороженко

Брызнули первые искры рассвета,
 Дымкой туманной покрылся ручей.
 В утренний час его рокот звончей.
 Ночь умирает... И вот уж одета
 В нерукотворные ткани из света,
 В поясе пышном из ярких лучей,
 Мчится Заря благовонного лета
 Из-за лесов и морей,
 Медлит на высях обрывистых гор,
 Смотрится в зеркало синих озер,
 Мчится Богиня Рассвета.

Следом за ней
 Легкой гирляндою эльфы несутся,
 Хором поют: «Пробудилась Заря!»
 Эхом стократным их песни везде отдаются,
 Листья друг к другу с безмолвною ласкою жмутся,
 В небе – и блеск изумруда, и блеск янтаря,
 Нежных малиновок песни кристальные льются:
 «Кончилась Ночь! Пробудилась Заря!»

ДУХИ ЧУМЫ

Мы спешим, мы плывем
 На могучей волне,
 Незнакомы со сном,
 Но всегда в полусне.

Слезы жен и детей

Не заметит наш глаз.
И где смерть для людей,
Там отрада для нас.

Нашей властью звучат
Панихиды в церквах,
В двери к людям стучат
Смерть, и гибель, и страх.

Между вешних листов,
Символ сгибнувших сил,
Миллионы крестов,
Миллионы могил.

Любо нежную мать
Умертвить, погубить,
Мы не можем ласкать,
Не умеем любить.

В эти дни, как и встарь,
Каждый миг, каждый час,
Лучший дар на алтарь
Жизнь приносит для нас.

И спешим, и плывем
Мы в ночной тишине,
Незнакомы со сном,
Но всегда в полусне.

ЧЕЛН ТОМЛЕНЬЯ

Князю А. И. Урусову

Вечер. Взморье. Вздохи ветра.
Величавый возглас волн.
Близко буря. В берег бьется
Чуждый чарам черный челн.

Чуждый чистым чарам счастья,
Челн томленья, челн тревог,
Бросил берег, бьется с бурей,
Ищет светлых снов чертог.

Мчится взморьем, мчится морем,
Отдаваясь воле волн.
Месяц матовый взирает,
Месяц горькой грусти полн.

Умер вечер. Ночь чернеет.

Ропщет море. Мрак растет.
Челн томленья тьмой охвачен.
Буря воет в бездне вод.

* * *

О, женщина, дитя, привыкшее играть
И взором нежных глаз, и лаской поцелуя,
Я должен бы тебя всем сердцем презирать,
А я тебя люблю, волнуясь и тоскуя!
Люблю и рвусь к тебе, прощаю и люблю,
Живу одной тобой в моих терзаниях страстных,
Для прихоти твоей я душу погублю,
Все, все возьми себе – за взгляд очей прекрасных,
За слово лживое, что истины нежней,
За сладкую тоску восторженных мучений!
Ты, море странных снов, и звуков, и огней!
Ты, друг и вечный враг! Злой дух и добрый гений!

ЦВЕТОК

Умер бедный цветок на груди у тебя,
Он навеки поблек и завял,
Но он умер тревожно и нежно любя,
Он недаром страдал.

Долго ждал он тебя на просторе полей,
Целый день на груди красовался твоей,
Как он пышно, как чудно, как ярко блистал,
Он недаром любил и страдал.

* * *

Дышали твои ароматные плечи,
Упругие груди неравно вздымались,
Твои сладострастные тихие речи
Мне чем-то далеким и смутным казались.

Над нами повиснули складки алькова,
За окнами полночь шептала невнятно,
И было мне это так чуждо, так ново,
И так несказанно, и так непонятно.

И грезилось мне, что, прильнув к изголовью,
Как в сказке, лежу я под райскою сенью,
И призрачной был я исполнен любовью,
И ты мне казалась воздушною тенью.

Забыв о борьбе, о тоске, о проклятьях,
Как нектар, тревогу я пил неземную, –
Как будто лежал я не в грешных объятьях,
Как будто лелеял я душу родную.

ДВА ГОЛОСА

Скользят стрижи в лазури неба чистой.
– В лазури неба чистой горит закат. –
В вечерний час как нежен луг росистый!
– Как нежен луг росистый, и пруд, и сад! –
Вечерний час – предчувствие полночи.
– В предчувствии полночи душа дрожит. –
Пред красотой минутной плачут очи.
– Как горько плачут очи! Как миг бежит! –

ПЕСНЯ БЕЗ СЛОВ

Ландыши, лютики. Ласки любовные.
Ласточки лепет. Лобзанье лучей.
Лес зеленеющий. Луг расцветающий.
Светлый свободный журчащий ручей.

День догорает. Закат загорается.
Шопотом, ропотом рощи полны.
Новый восторг воскресает для жителей
Сказочной светлой свободной страны.

Ветра вечернего вздох замирающий.
Полной Луны переменчивый лик.
Радость безумная. Грусть непонятная.
Миг невозможного. Счастья миг.

РАБСТВО

Сонет

Ты льнешь во мне, как гибкая лоза,

И все твои движения красивы,
Твоих волос капризные извивы
Пышнее, чем полночная гроза.

Настолько же прекрасны, как и лживы,
Глубокие спокойные глаза,
Где искрится притворная слеза,
Где видны сладострастные порывы.

Тот будет твой безвольный раб всегда,
Кого ты отравила поцелуем,
В нем прошлое погибнет без следа,

В нем вечно будет жгучая вражда
К тому, чем прежде был он так волнуем,
К святыне, что погасла, как звезда.

КОШМАР

Сонет

В печальный миг, в печальный час ночной,
В алькове пышном, полном аромата,
Покоилась она передо мной,
Дремотою изнеженной объята.

И понял я, что мне уж нет возврата
К прошедшему, к Лазури неземной: –
Я увидал не человека-брата,
Со мною был бездушный зверь лесной.

Незримыми немymi голосами
Душа моя наполнилася вдруг
От этих губ, от этих ног и рук.

Мгновения сменилися часами,
И видел я везде – везде вокруг –
Змею с полузакрытыми глазами.

* * *

Нет, мне никто не сделал столько зла,
Как женщина, которая твердила
Мне каждый миг: «Люблю тебя, люблю!»
Она украдкой кровь мою,
Как злой вампир, пила.

Она во мне все чистое убила,
Она меня к могиле привела.

Забыв весь мир, забыв, что люди, братья,
Томятся где-то там, во тьме, вдали,
Я заключил в преступные объятия
Тебя, злой дух, тебя, о, перл Земли.
Озарены больным сияньем лунным,
Окутаны туманной полумглой,
Подобно духам тьмы иль звукам струнным,
Витаем мы меж Небом и Землей.

Твой образ, то насмешливый, то милый,
Мне грезится в каком-то смутном сне,
Цветы любви собирая над могилой,
Я вижу, как ты гроб готовишь мне.

Как мертвецу, мне чуждо все живое...
Но кто же ты, мой гений неземной,
Во мне зажегший пламя роковое?
Страдаю я, покуда ты со мной, –
А нет тебя – и я страдаю вдвое.
В твоей душе слились добро и зло...
Зачем твое дыханье огневое
 Меня сожгло?

О, как прекрасна ты неотразимо,
Как властна ты заставить все забыть!
Твой нежный смех – улыбка серафима,
И я тебя не в силах не любить!
Но почему ж во мне неудержимо
Желание встает – тебя убить?

ЛАСТОЧКИ

Сонет

Земля покрыта тьмой. Окончен день забот.
Я в царстве чистых дум, живых очарований.
На башне вдалеке протяжно полночь бьет,
Час тайных встреч, любви, блаженства, и рыданий.

Невольная в душе тоска растет, растет.
Встает передо мной толпа воспоминаний,
То вдруг отпрянет прочь, то вдруг опять прильнет
К груди, исполненной несбыточных желаний.

Так в знойный летний день, над гладью вод речных
Порою ласточка игриво пронесется,

За ней вослед толпа сестер ее живых,

Веселых спутниц рой как будто бы смеется,
Щебечут громко все, – и каждая из них
Лазури вод на миг крылом своим коснется.

В СТОЛИЦЕ

Свежий запах душистого сена мне напомнил далекие дни,
Невозвратного светлого детства предо мной загорелись огни;
Предо мною воскресло то время, когда мир я безгрешно любил,
Когда не был еще человеком, но когда уже богом я был.

Мне снятся родные луга,
И звонкая песня косца,
Зеленого сена стога,
Веселье и смех без конца.
Июльского дня красота,
Зарница июльских ночей,
И детского сердца мечта
В сияньи нездешних лучей.
Протяжное пенье стрекоз,
Чуть слышные всплески реки,
Роптание лип и берез,
В полуночной тьме светляки.
И все, что в родной стороне
Меня озарило на миг,
Теперь пробудило во мне
Печали певучий родник.

И зачем истомленную грудью я вдыхаю живой аромат,
Вспоминая луга с их раздольем, и забытый запущенный сад?
Свежий запах душистого сена только болью терзает меня:
Он мне душною ночью напомнил отлетевшие радости дня.

ГРУСТЬ

Внемля ветру, тополь гнется, с неба дождь осенний льется,
Надо мною раздается мерный стук часов стальных;
Мне никто не улыбнется, и тревожно сердце бьется,
И из уст невольно рвется монотонный грустный стих;
И как тихий дальний топот, за окном я слышу ропот,
Непонятный странный шопот – шопот капель дождевых.

Отчего так ветру скучно? Плачет, ноет он докучно, –
И в ответ ему стозвучно капли бьются и бегут;

Я внемлю, мне так же скучно, грусть со мною неразлучна,
Равномерно, однозвучно рифмы стройные текут;
В эту пору непогоды, под унылый плач Природы,
Дни, мгновенья, точно годы – годы медленно идут.

* * *

В поле искрилась роса,
В небесах царил покой,
Молодые голоса
Звонко пели за рекой.

Но меж тем как песни звук
Озарял немую даль,
Точно тень, бродила вокруг
Неутешная печаль.

И, скорбя о трудном дне,
Где-то дух страдал людской,
Кто-то плакал в тишине
С бесконечною тоской.

СМЕРТЬ

Сонет

Суровый призрак, демон, дух всеильный,
Владыка всех пространств и всех времен,
Нет дня, чтоб жатвы ты не снял обильной,
Нет битвы, где бы ты не брал знамен.

Ты шлешь очам бессонным сон могильный,
Несчастному, кто к пыткам присужден,
Как вольный ветер, шепчешь в келье пыльной,
И свет даришь тому, кто тьмой стеснен.

Ты всем несешь свой дар успокоенья,
И даже тем, кто суетной душой
Исполнен дерзновенного сомненья.

К тебе, о, царь, владыка, дух забвенья,
Из бездны зол несется возглас мой: –
Приди. Я жду. Я жажду примиренья!

СМЕРТЬ, УБАЮКАЙ МЕНЯ

Жизнь утомила меня.
Смерть, наклонись надо мной!
В небе – предчувствие дня,
Сумрак бледнеет ночной...
Смерть, убаюкай меня!

Ранней душистой весной,
В утренней девственной мгле,
Дуб залепечет с сосной.
Грустно поникнет к земле
Ласковый ландыш лесной.

Вестник бессмертного дня,
Где-то зашепчет родник,
Где-то проснется, звеня...
В этот таинственный миг,
Смерть, убаюкай меня!

Печатается по: Бальмонт К. Д. Собрание сочинений в 7 тт. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. Т. 1.

Сформатировано на <http://rusilverage.blogspot.com/>